14. X. 77

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ
г. МОСКВА

14 ОКТ. 1977г.

МАСТЕРА ИСКУССТВ О СЕБЕ

ОТ ИСТОКОВ ДО ДНЯ НЫНЕШНЕГО

Елена ГОГОЛЕВА,
Народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда

РУССКОМУ актеру всегда было свойственно чувство не только творческой, но и гражданской ответственности перед демократическим зрителем. Лучшие из художников дореволюционного прошлого, и прежде всего великий Михаил Семенович Щепкин, понимали свое призвание как род служения народу. Гражданское и творческое завещание великого художника наследовали не только мастера Малого театра, но и К. С. Станиславский, который открыто заявил, что театр есть род общественного служения и актер, следовательно, должен быть общественным деятелем, активным гражданином.

Русский театр встретил Великий Октябрь духовно готовым к тому, чтобы бывший зритель театральной галерки занял партер и ложи.

Однако это вовсе не означает, что театр легко осознал свое место в молодой Республике Советов: слишком сильны были представления о единстве культуры — мы еще не знали в первые послереволюционные годы ленинского учения о двух культурах — пролетарской и буржуазной.

Я не однажды писала о том, как ближайшие соратники Владимира Ильича, и прежде всего А. В. Луначарский, внимательно и чутко отнеслись к нам, актерам Малого театра, как скоро и глубоко восприняли мы необходимость рассказать зрителям со сцены о новом человеке — человеке революции, будущем гражданине первой в мире социалистической страны. Это были удивительные годы. Для меня — годы молодой жадности ко всему новому, ко всему, что могло помочь мне, актрисе, постичь и воплотить это новое.

Случилось так, что в первом спектакле, созданном по пьесе советского драматурга — «Любови Яровой» К. Тренева,— мне поручили роль Пановой — женщины, которая борется против революции. Положительный идеал был к тому времени настолько силен во мне, что роль меня насторожила. Я растерялась. Я была еще очень молода и неопытна, а ответственность — слишком велика. Режиссура спектакля да и сам Тренев были заняты преимущественно заботами о воплощении образа Любови Яровой, который тоже не легко давался высокоталантливой Вере Пашенной, и я осталась почти наедине с собой. Я приходила в отчаяние. Казалось, провал неизбежен.

Еще не зная будущей системы Станиславского, я интуитивно решила поработать над биографией своего персонажа — насытить образ предлагаемыми обстоятельствами, взятыми из самой жизни, из своего опыта, из опыта окружающих. И, работая над биографией Пановой, я ассоциативно вспоминала тех дам, которых видела с детства в нашем доме. Мой отец был военным, и к нам часто приходили жены офицеров старших и высших чинов. Явственно восстанавливая их облик, манеру поведения, мировоззрение, я собирала черты образа Пановой и чувствовала, как оживает во мне этот образ, как завладевает он мной.

Успела я «зажить Пановой» лишь к генеральной репетиции, и Тренев впервые посмотрел на меня добрыми глазами. Я его боялась: мне он казался человеком замкнутым и суровым. И была счастлива, увидев его добрый, проникновенный взгляд. Ансамбль актеров, занятых в этом спектакле, был великолепен: рядом с нами, молодыми, играли выдающиеся, прославленнейшие мастера. Успех был тем не менее неожиданным даже для нас, увлеченных пьесой и образами своих персонажей. Это было нечто значительно большее, чем признание художественного произведения, созданного сколько угодно талантливой труппой,— это был праздник народной гордости за нового человека, впервые воспетого музой театра. А для меня участие в «Любови Яровой» и роль Пановой стали, как теперь любят говорить, «точкой отсчета» и в моем положении в труппе Малого теат

ра, и в дальнейшем репертуаре, и во взгляде на роль и на метод работы над ней.

Я всегда стремилась к максимальной театральной яркости решения образа. На этом пути по молодости лет совершала поступки, о которых и сейчас вспоминаю с радостью, и готова рассказывать молодым, пожалуй, с тем же задором, который испытывала в те годы. Например, для одного из спектаклей Малого театра я должна была обучиться хорошо сидеть на лошади. Хорошо сидеть? Этого мне было мало! Вместе с мужем, Всеволодом Николаевичем Аксеновым, актером нашего театра, а впоследствии известным чтецом, мы отправились к мастеру высшей школы верховой езды, знаменитому цирковому артисту и руководителю конного аттракциона Труцци и стали учиться систематически, увлеченно, всерьез. Дело кончилось тем, что Труцци настоятельно рекомендовал мне переходить работать в цирк, стать наездницей. Что же касается театра, то, когда я на репетиции показала, какие головокружительные трюки способна делать моя лошадь, режиссура растерялась: на сцене все выглядело так ярко, что после этого трудно было играть спектакль — зритель бы не смог отрешиться от впечатления, полученного от моего конного номера. Пришлось отказаться от блистательного трюка в пользу актерского действия — и это было правильно. Но увлеченность, с которой мы осваивали высшую школу верховой езды, не пропала даром — она помогла мне ощутить безграничность творческой энергии актера, смелость и дерзость поиска, радость от постоянного соприкосновения с новым, неизведанным.

У меня и до того, как встретилась с ролью Пановой, была подсознательная тяга к воплощению сильных женских характеров. Я играла Софью в «Горе от ума» далеко не «кисейной барышней»: мою Софью губили именно своенравность, желание непременно самой решать свою судьбу, а отсюда и борьба с Чацким, которого она любила и разрыв с которым оплакивала как тяжелую ошибку. После исполнения роли Пановой я увереннее стала встречаться с образами волевых женщин. Меня привлекали прежде всего характеры, которые вызывали сложные чувства у зрителей: и уважение к их внутренней силе, и ненависть к тому, как эта сила применялась. За Пановой последовали принцесса Эболи в «Дон-Карлосе», Глафира в «Волках и овцах» А. Н. Островского, Марина Мнишек в «Борисе Годунове», Коринкина в «Без вины виноватые», герцогиня Мальборо в «Стакане воды», Надежда Монахова в «Варварах», леди Макбет... Рядом с этим — Кручинина в «Без вины виноватые». Исполнение ролей Коринкиной и Кручининой — двух антиподов — было для меня интереснейшей школой изучения и воплощения одной проблемы с разных ее сторон.

Роль Пановой положила начало теснейшей моей связи с репертуаром советских драматургов и дружбе с самими авторами пьес. Б. Ромашов, Б. Лавренев, А. Софронов, А. Корнейчук и многие другие стали моими друзьями — соучастниками общего творческого поиска в характерах современников. Метод работы над ролью, открытый мной во времена репетиций «Любови Яровой», я перенесла на другие роли, стараясь особенно в образах современниц — советских женщин искать обобщающие черты. Такой метод требует постоянного общения с людьми разных возрастов и профессий, не только встреч, но и тесной дружбы с ними.

И я с радостью дружила с лучшими людьми нашей страны — замечательными ее труженицами, героями и героинями освоения новых пространств, новых самолетов, неизведанных сфер научной мысли, первооткрывателями Арктики и космоса.

Общественная деятельность всегда была и по сей день остается для меня естественной потребностью. Многие годы руководя Комиссией по военно-шефской работе при ЦК профсоюза работников культуры, я испытываю чувство душевной сопричастности тому, что происходит в Советской Армии — коллективном воспитателе молодежи. Эти связи возникли давно — со времен, когда героические летчики, осваивавшие Советский Север, тотчас же после триумфального возвращения в Москву приходили к нам, актерам, и становились нашими верными друзьями, когда мой сын стал именно летчиком, стараясь быть похожим на тех героев, которые были воспитателями его юности. С армией я связана сердцем художника и сердцем матери.

И мне радостно видеть, как духовно выросла наша армия, какие по-настоящему интересные люди приходят на политическую работу в Вооруженных Силах нашей Родины. Я не однажды встречала офицеров-политработников, которые даже нас, мастеров искусств, удивляли своей эрудицией в области театра, музыки, живописи.

Великая Отечественная война явственно показала, что театр, кинематограф, эстрада в нашей стране стали коллективным политработником Советской Армии, заслужив безусловное доверие и благодарное признание воинов, идущих в бой за свободу и независимость Родины, на защиту завоеваний Советской власти. Труд, который мы привыкли называть «военно-шефской работой», в действительности ведь не что иное, как часть огромной идеологической и педагогической работы, которую постоянно проводят с молодыми солдатами и офицерами наши товарищи по партии, которых мы привыкли романтически называть «красными комиссарами».

Было время, когда я, актриса, с высокой трибуны говорила об издержках в воспитании молодежи — о той горькой полосе, когда родители, испытавшие тяготы войны, ошибочно решили охранить от всяческих трудностей своих детей, не знавших, что такое насильственная смерть, увечья, голод, позор фашистского плена и рабства. Ныне я вижу другую молодежь, хотя чувство горечи не покинуло меня и не покинет до тех пор, пока рядом с молодыми людьми — созидателями, творцами, тружениками живут их сверстники, ищущие легкой жизни, бездумных развлечений и пытающиеся вообразить, что жизнь на земле началась с их рождения. Я, русская актриса, унаследовавшая от своих великих учителей и из опыта борьбы и побед своего народа дух уважения и любви к людям— преобразователям жизни, никогда не смогу смириться с существованием в нашем обществе человека бездуховного и равнодушного.

В. И. Ленин утверждал, что плох тот коммунист, который не умеет мечтать о будущем. И мы должны воспитывать поколения коммунистов — людей дерзкой и реальной мечты Я счастлива, что знала и знаю таких людей, что живу среди них и дружу с ними. Я вижу их достижения, превращенные в удивительное свидетельство побед нашего народа — принятую ныне Конституцию СССР.

Необыкновенно волнуют в нашей новой Конституции широкие права индивидуального и коллективного творчества, которые гарантирует Советское государство, обеспечение разносторонних интересов каждого советского человека. Читая статьи Основного Закона СССР, я вспоминаю, как еще в 1918 году, в пору тяжелейших испытаний молодой Советской Республики, В. И. Ленин говорил о том, что он счастлив, видя, как пробудилась к жизни творческая энергия масс — миллионы талантов, которые не могли раскрыться в условиях царской России.

Моя жизнь — лишь малая капля в море советской культуры, но в ней, как в жизни каждого художника, отразились все черты и свойства нашей культуры — от ее истоков до нынешнего дня. И в этом — секрет энергии советского актера, который способен сохранить молодое восприятие жизни и людей, несмотря на годы и седину.